

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Разговоров С.В. Конфессиональный аспект в национальной политике Александра II // Genesis: исторические исследования. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.2.73339 EDN: GGZZGK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73339

Конфессиональный аспект в национальной политике Александра II

Разговоров Сергей Владимирович

ORCID: 0009-0000-6061-7035

аспирант, институт гуманитарных наук; Московский городской педагогический университет

108814, Россия, г. Москва, ул. Улица Василия ощеркова, Дом 3, кв. 115

✉ sergraz98@gmail.com

[Статья из рубрики "Верования, религии, Церкви"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.2.73339

EDN:

GGZZGK

Дата направления статьи в редакцию:

12-02-2025

Аннотация: Предметом исследования является комплекс мер, предпринятых правительством Российской Империи при Александре II и направленных на решение национальных конфликтов, и противоречий через призму религии. Также в работе было рассмотрено влияние внешнеполитических и региональных факторов, в зависимости от конкретных территорий и религий. Цель исследования – охарактеризовать соотношение национального и конфессионального фактора в политике Александра II. Для выполнения данной цели поставлены следующие задачи: определить общее положение иноверцев в Российской Империи во второй половине XIX века; рассмотреть основные конфессиональные конфликты и их особенности на территории страны; определить влияние внешнеполитического фактора на национальную политику Александра II; охарактеризовать взаимосвязь упадка православной церкви и изменения политики правительства в отношении иноверцев. В работе был применен системный метод исследования с учетом использования разных религиозных, политических и социальных факторов при формировании выводов. Также в работе был применен принцип историзма при рассмотрении проблемы с учетом ее развития в контексте времени. В результате

проведенного исследования был сделан вывод, что правительство Российской Империи не смогло выработать последовательную политику в отношении иноверцев. Желая пресечь национальные и религиозные конфликты, оно металось из крайности в крайность, в итоге остановившись на строгой регламентации деятельности иноверцев, обрывание контактов с их религиозными центрами и взятие курса на личную верность императору Российской Империи. Так постепенно религиозный аспект в жизни страны постепенно отходил на второй план, как для православных, так и для самих иноверцев. Новизна исследования заключается в рассмотрении большего количества факторов и проблем, нежели в предыдущих работах по данной теме. Материалы исследования могут быть применены в учебных пособиях и дальнейших исследованиях по конфессиональной и национальной политике Российской Империи.

Ключевые слова:

Польское восстание, Монастырь, Муфтий, Крестный ход, Святейший Синод, Братство, Духовное образование, Буддизм, Протестантизм, Иудаизм

Введение

Национальной политике Российской Империи уделялось большое внимание в отечественной историографии. Наибольший интерес среди исследователей вызывал период второй половины XIX века, а в частности, политика русификации и освоение новых присоединенных территорий. В частности, еще с начала XX века выходило достаточно много исследований, посвященных Польскому восстанию 1860-х годов и волнениям на Кавказе. Религиозный аспект в подобных исследованиях затрагивался слабо. Монументальные работы по данной теме начали выходить значительно позднее и в них рассматривалась либо специфика конкретных регионов или одна проблематика. Ввиду этого национальная и конфессиональная политика в исследованиях рассматривались порознь, либо же одна затемняла другую.

Советская историография уделяла большое внимание политике империи по ассимиляции нерусского населения и экономического давления на присоединенные территории. Конфессиональный аспект затрагивался мало, специализированных монографий по данной теме практически не выходило. Как правило, история православной церкви или прочих конфессий на территории Российской Империи разбиралась в контексте культуры, без акцентуации на определенном временном периоде.

Начиная с 1990-х годов XX века значительно увеличилось количество исследований, посвященных религиозным институтам и иноверцам Российской Империи. Среди наиболее полных и подробных трудов можно выделить монографию историка В.А. Федорова, рассматривающего историю православной церкви в России как синодального, так и досинодального периода. Данная работа, хоть и позволяет выделить основные тенденции в развитии религиозных институтов, останавливается на них обзорно и не заостряет внимание. Сама православная церковь эпохи правления Александра II рассматривается в отрыве от многих социальных и политических факторов, таких как религиозное противостояние с иноверцами и внешнеполитическое влияние.

Наиболее полной работой по истории православной церкви во время правления Александра II можно считать монографию историка и религиоведа С.В. Римского: «Российская церковь в эпоху великих реформ». В ней дается комплексный анализ как

кризиса православной церкви, так и мер, предпринимаемых правительством по их преодолению в данный временной период. Особый акцент исследователь делает на положении православной церкви в западных губерниях, конфликтах в правительстве при разработке церковных реформ, а также на личности реформаторов, в частности, министре внутренних дел П.А. Валуеве. Монография С.В. Римского содержит исчерпывающий фактический и статистический материал. Однако она не затрагивает положение церкви во многих других регионах, как и взаимодействие православного населения с иноверцами, за исключением западных губерний. Также в ней достаточно мало внимания уделено самому Александру II, больший акцент делается на членах правительства.

Одной из наиболее подробных исследовательских работ по конфессиональной политике Российской Империи в отношении иноверцев, является монография историка А.К. Тихонова «Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII — начале XX в.». В ней автор наиболее подробно рассматривает динамику и взаимодействие имперского правительства с религиозными меньшинствами на территории страны. Однако здесь также опущены или недостаточно представлены несколько значимых факторов, как например, влияние православной церкви.

Перечисленные выше работы позволяют рассмотреть специфику национальной и религиозной политики Александра II в одном из ее аспектов, однако опускают некоторые значимые факторы. Конфессиональный аспект являлся неотделимой составляющей национальной политики Российской Империи. Правительство не только стремилось к установлению порядка в беспокойных регионах, но и поддержанию религиозной и культурной унификации, а также повышению авторитета православной церкви. В данной статье предпринимается попытка рассмотреть данные факторы, как и национальную, и конфессиональную политику Российской Империи как часть единого целого. Ввиду этого в качестве методологии был выбран цивилизационный подход. Он не только позволяет определить культурно-исторические особенности, свойственные Российской Империи, но и представителям других конфессий, культурно обособленных от основной массы населения. Также в работе был применен системный подход к изучению, при анализе разных элементов национальной и конфессиональной политики Александра II как части единого целого.

В работе был использован комплекс источников следующих типов: делопроизводственные документы (например, «Записка о железном капитале»), источники личного происхождения («Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел»), публицистические источники (журнал «Духовное обозрение») и прочие.

Хронологические рамки исследования ограничены периодом с 1855 по 1881 год, то есть годами правления императора Александра II. Территориальные рамки охватывают всю территорию Российской Империи на указанный промежуток времени. Больший акцент в исследовании был сделан на западные губернии страны, как показательного региона, наиболее полно раскрывающего специфику национальной и конфессиональной политики Александра II.

Исследование.

Религиозный аспект всегда играл огромное значение в повседневной жизни и политике Российской Империи. Православие было культурной основой страны. Оно было составляющей частью теории официальной народности графа Уварова, опорой самодержавия, отражением культурной идентичности и уникальности России на мировой

арене. Было задекларировано, что именно православие должно занимать доминирующее положение относительно прочих конфессий [\[7, с. 43\]](#).

Однако это не означало, что прочие религии в стране подвергались гонениям или принижениям. В Российской Империи был задекларирован принцип веротерпимости. Успешные военные походы и мирная колонизация новых территорий приводили не только к присоединению новых земель, но и населяющих их народов. Желая избежать конфликтов и интегрировать иноверцев в структуру государства, правительство позволяло им сохранить религиозную и культурную идентичность. Однако при этом на них были наложены некоторые ограничения, как например, невозможность занимать определенные государственные посты.

И если в случае взаимодействия с малыми народами, чьи верования не получили значительного территориального распространения, ситуация обстоит куда проще, с представителями мировых религий возникали существенные проблемы.

Одним из наиболее нестабильных регионов Российской Империи при правлении Александра II были западные губернии. Преимущественно там были представлены разные ветви христианства: православие, католицизм и протестантизм, чьи взаимоотношения по ходу истории носили антагонистический характер. Религиозное противостояние закономерно вело к социальным волнениям, неоднократно перетекавшим в полномасштабные восстания.

Как уже упоминалось, религия занимала в социальной жизни людей ключевое значение, именно к ней зачастую апеллировали участники конфликта. Со временем в западных губерниях в обществе сложился ассоциативный ряд, где католики отождествлялись с поляками, а православные – с русскими. Соответственно любые социальные конфликты так или иначе имели отпечаток религиозной нетерпимости. Участились нападки на православное духовенство, выражающиеся как в виде публичных унижений, так и погромов церквей. Попытки обращения в суды зачастую ни к чему не проводили, поскольку католическое духовенство пользовалось покровительством местной аристократии.

Имперское правительство получало информацию о подобных прецедентах, а потому стремилось ослабить влияние аристократов-иноверцев в регионе. Сделать это было решено усилением позиций православной церкви. К таковому шагу можно отнести объединение ее с униатами, начатое еще при Николае I. Православная церковь получила большой приток паствы, расширила свое влияние в регионе. К тому же, правительство использовало непопулярность католической аристократии среди крестьян. Для них образ помещика и угнетателя также зачастую ассоциировался с католиками в целом.

Социальная и религиозная напряженность была свойственна не только западным губерниям. На Кавказе и Средней Азии ситуация была также нестабильная, особенно с учетом имевших место быть длительных военных столкновений. Ввиду тяжелых климатических условий, сложной клановой структуры местного общества и культурной дифференциации, правительство не могло формировать региональную администрацию так же как в других регионах.

Для обеспечения порядка требовалась определенная политическая гибкость. Правительство в первую очередь было заинтересовано укоренить в мусульманских регионах позиции православной церкви. Она была представлена здесь ранее, однако переживала длительный кризис. Для исправления положения, к моменту правления

Александра II значительно ускорилось строительство новых храмов [\[13, с. 112\]](#). Как и в случае с западными регионами, правительство руководствовалось не столько желанием добиться религиозной унификации, сколько недопустимостью оставления иноверцев без контроля.

Проблемным также оставался внешнеполитический фактор. Россия, являясь наследницей Византии как крупнейшего центра православия, полностью сосредоточила в своих руках рычаги давления над церковью внутри страны. Это привело к установлению доминирования светской власти над духовной и обеспечению полного контроля над внутренними делами церкви. В случае ислама и католицизма эти центры находились за рубежом. И представители данных конфессий были прямо зависимы от повелений и административных решений Ватикана и Османской Империи.

Потому правительство поставило перед собой задачу вывести иноверцев из-под прямого подчинения иностранных религиозных центров. Для этого были созданы специализированные ведомства и присутствия. Их задачей было формирование уставов, проведение аттестаций будущих священнослужителей и допущение к службе благонадежных лиц из числа духовенства.

Данная идея получила свою поддержку с ростом социальных волнений в проблемных регионах. Во время Польского восстания 1863 года, власти получали сведения, что посильную роль в агитации и поддержке мятежников оказывали католические священники. На фоне этого в верхах всё чаще стали появляться инициативы по борьбе с римским влиянием в западных регионах.

После череды дипломатических конфликтов, Российская Империя на длительное время прервала связи с Ватиканом. Отныне католическое духовенство должно было подчиняться непосредственно имперскому центру. Более того, известна информация о подготовке унии, которая должна была постепенно перевести католиков в лоно православия. Проект, однако, так и не был реализован. Среди прочих причин, создатели унии опасались, что объединение будет чисто номинальным. Католики бы сохранили свою культурную и религиозную идентичность, против чего уния и была направлена [\[8, с. 12\]](#).

Даже несмотря на то, что проект не состоялся, в правительстве неоднократно поднимали вопрос о необходимости ослабления позиций католиков в регионе, в том числе и в религиозной сфере. Министры видели в политике русификации не просто установление строгого контроля над мятежным населением, но религиозное противостояние с западом в целом. В представлении общественных деятелей эпохи было важно, чтобы иноверцы приняли российскую идентичность и отошли от влияния иностранных держав [\[3, с. 428\]](#).

Подогревали конфликт проекты уний со стороны запада, где доминирующее положение должно было занимать католичество. Одним из наиболее видных приверженцев данной идеи был князь Гагарин. Он видел в объединении с Римом способ для России избежать роста революционных настроений и повысить авторитет церкви. Правительство, хоть и преследовало аналогичные задачи, не могло поставить католицизм выше православия. Не говоря уже о принципиальной позиции православного духовенства и общественности о противостоянии католическому западу.

На этом фоне всё явственнее стало проявляться желание папского престола укоренить свое влияние на территории России. Пий IX еще в 40-е годы XIX века выражал озабоченность, что достойные православные люди откололись из-под опеки Рима, и

призывал к объединению. Папа повторял свои призывы неоднократно, однако православная церковь оставалась непреклонна [\[15, с. 93\]](#). Священнослужители указывали, что римский престол желает объединения церквей исключительно на позициях подчинения православия Ватикану.

Стоит заметить, что на тот момент времени конфликт с Римом происходил не только у Российской Империи. Во многих европейских странах также оказались закрыты многие католические монастыри. Особенно сильно пострадал орден иезуитов [\[20, с. 169\]](#). В нем видели инструмент папского контроля. Государства становились всё более светскими и независимыми от влияния духовенства. Таким образом, ослабление влияния духовной власти извне являлось не уникальным явлением внутри Российской Империи, но общим процессом секуляризации. Сама же религия превращалась в инструмент в руках правителей, но никак не папы.

Правительство Российской Империи получало целое множество сообщений о подготовке поляков к новым восстаниям, где посильную помощь как раз оказывало католическое духовенство, в том числе из-за рубежа. В одной из докладных записок императору подчеркивалось, что поляки сами виноваты в своих лишениях. Унижений по религиозному принципу не произошло бы, если бы не их деструктивная линия поведения [\[11\]](#).

Попытки сближения между представителями двух конфессий зачастую пресекались, как иноверцами, так и православным населением. Примером тому может послужить динамика смешанных браков с католиками. Подобная практика получила свое распространение еще при Николае I. Однако уже тогда, при непосредственной поддержке папы Римского, католическое духовенство восприняло эту практику в штыки. Ксендзы утверждали, что таким образом Россия ставит перед собой цель культурно уничтожить католиков и отождествляемый с ними польский народ [\[7, с. 163\]](#). Впрочем, уже после восстания 1863 года, правительство начало опасаться, что дети, воспитанные уже в заключенных смешанных браках, будут перенимать католические ценности, нежели православные. Так, непринятие подобных союзов становилось обоюдным, как и перспектива сближения двух народов.

Особенно ярко в сторону репрессивной политики против католического населения выступал виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев. Он утверждал, что территории западных губерний изначально принадлежали русским, а потому их следовало избавить от влияния пришлого населения [\[9, с. 184\]](#). С восшествием Александра II на престол среди общественности росли ожидания о восстановлении авторитета православной церкви в стране. Вкупе с данным религиозным подъемом, идея «располячивания» представлялась как новый виток религиозной борьбы и шаг в вопросе культурной самостоятельности.

Здесь проявляется еще одна черта конфессиональной политики Российской Империи данного периода: ввиду того, что православная церковь оказалась под контролем светского института, занимались ее делами зачастую лица, не имеющие отношения к духовному сану. Однако при этом многие из них были искренне озабочены проблемами духовности и морали, а с их именем связывали защиту православной веры. Наиболее ярко это прослеживается в комплементарной работе Д.А. Кропотова, посвященной политической деятельности М.Н. Муравьева. Автор уже с первых страниц рисует чиновника не просто защитником русского населения, сколько самой православной веры от нападок иноверцев [\[17, с. 21\]](#).

Встречались и противники репрессивного подхода. Один из ведущих инициаторов церковных реформ при Александре II, министр внутренних дел П.А. Валуев, выступал за решение национального вопроса путем мирного сосуществования с иноверцами [\[19, с. 243\]](#). В его представлении добиться спокойствия в проблемных регионах можно было путем повышения авторитета православной церкви, дабы сделать ее привлекательнее для представителей других конфессий. Он подчеркивал невозможность разрешения духовных разногласий материальным давлением [\[5, с. 126\]](#).

Позиция самого императора Александра II по вопросам конфессиональной политики и отношения к иноверцам менялась постепенно в зависимости от ситуации в стране и его личных взглядов. На первых этапах его правления можно проследить веротерпимое отношение к подданным империи. Однако с этим же была четко задекларирована непримиримость императора к социальным волнениям на территории государства, и что положение той или иной религии в стране зависело от действий самих иноверцев.

Так, в своей речи, произнесенной незадолго после восшествия на престол, Александр II призывал поляков одуматься и принять, что отныне судьбы католиков и православных объединены, и что их благополучие зависит от их же благоразумия.

Терпимое отношение Александра II к другим конфессиям косвенно подтверждалось его одобрительными резолюциями на предложения по мирному урегулированию конфликтов в проблемных регионах. Так, он одобрил записку, приложенную министром внутренних дел П.А. Валуевым, где говорилось о необходимости решения социальных конфликтов исключительно через принцип взаимного уважения и веротерпимости [\[12\]](#).

Однако, представляется также, что конфессиональный аспект во внутренней политике рассматривался императором исключительно в утилитарном плане. Являясь верующим православным человеком, он, как и многие другие европейские правители той эпохи, рассматривал церковь как инструмент контроля. При этом он осознавал необходимость поддержания этого инструмента в надлежащем состоянии. Известно, что, когда на стол императору попала книга священника Иоанна Беллюстина «Описание сельского духовенства», рисуящая крайне печальное состояние причтов, он приказал правительству в обязательном порядке ознакомиться с этой книгой в качестве основы для будущих реформ в православной церкви. Это выглядело особенно показательно, с учетом жесткой критики, направленной напрямую в сторону власти и высшего духовенства [\[2, с. 9\]](#). При том, что саму книгу Беллюстина многие консервативно настроенные лица из окружения императора называли крамолы и ложью. Император так или иначе велел провести ревизии и проверки, дабы проверить отлаженность механизма власти. Если инструмент давления работает недостаточно хорошо, его следовало реформировать, даже с учетом такого рода критики.

Тезис о том, что Александр II рассматривал религиозные институты скорее, как инструмент, может вызвать несогласие, однако подобная точка зрения подкрепляется несколькими факторами. Во-первых, характер реформирования православной церкви как ключевого элемента культурного давления на население, в том числе и на иноверцев. Там, где священнослужители пытались обрести большую свободу, например, при устройстве православных братств в западных губерниях с собственными уставами, государство стремилось пресечь свободное развитие церкви. Ни одно из решений духовенства не должно было происходить без строгого контроля светской власти. Во-вторых, в разработке реформ слабо участвовали видные религиозные деятели. Зачастую всё обходилось исключительно консультациями, в то время как сами изменения

разрабатывались светскими чиновниками. Важно было не столько развить религиозную мысль и философию, сколько повысить сам авторитет церкви. В-третьих, ограничения на прочие конфессии зачастую объяснялись правительством именно негативным влиянием на умы населения и привнесением чуждых и опасных идей вольнодумства.

На фоне кризисов и социальных процессов внутри Российской Империи менялось и отношение правительства Александра II к иноверцам. Вводились послабления или ограничения в зависимости от поступающих вызовов, но главный курс был взят именно на улучшение состояния православной церкви. Вопрос оставался лишь в том, что сами принимаемые меры в итоге оказались недостаточными или половинчатыми.

Наиболее ярко опасения правительства перед распространением чуждых идей и культуры можно проследить в политике Александра II относительно иудеев. Еврейский вопрос стоял достаточно остро со времени присоединения к Российской Империи западных территорий. И в первую очередь государство опасалось влияния иудеев как на экономику, так и на религиозную жизнь региона.

Высокая эффективность труда и ведение ростовщической деятельности в еврейской общине вызвало определенные экономические проблемы. От этого страдало местное население, не способное выдерживать конкуренцию с консолидированным трудом иудеев. Более того, в этом стали видеть угрозу и перехода местного населения в иудаизм. Именно поэтому были введены определенные репрессивные меры на свободу перемещения, снимаемые только при отделении евреев от общины [\[20, с. 203\]](#).

Государство стремилось поддерживать нейтральную политику сдерживания относительно иудеев, однако под конец правления Александра II правительство явно было обеспокоено распространением среди них оппозиционных кружков. В докладе от министерства внутренних дел от 1878 года упоминался не только возросший риск пропаганды иудаизма по стране, но и рост революционного движения среди иудеев [\[10\]](#). А потому всё так же вводились новые ограничительные меры. Правительство Александра II предпочитало решать проблемы по мере их поступления, считая их временными вызовами на фоне улучшения позиций православной церкви.

Особое отношение сложилось и к протестантам. Связано это было с неоднородностью данного религиозного течения. Правительство Российской Империи при Александре II достаточно терпимо относилось к лютеранской и англиканской церкви, однако причисляло к «нетерпимым» другие, как например, баптистов и штундистов.

В отношении к «терпимым» протестантским течениям применялся тот же утилитарный подход. Государство не вмешивалось в дела протестантской церкви, однако резко пресекало любые попытки перехода из православия в другую конфессию. Также в общественном мнении той поры высказывалось опасения о распространении данного течения в принципе. Протестантизм, по мнению публицистов, нес прямую угрозу православной культуре, напрямую противореча ей. В частности, особенно часто публицисты подвергали критике идеи индивидуализма и неприятие какой-либо власти, в том числе и светской [\[18, с. 357\]](#).

Правительство Российской Империи закономерно пыталось сдержать расширение паствы иноверных конфессий и распространяемых ими идей. Ярким примером подобных мер можно считать комплекс ограничений, наложенных на католиков после Польского восстания 1863 года. Например, церковные службы должны были проводиться на русском языке. Таким образом, государство стремилось полностью поставить под свой

контроль информационное поле в регионе.

Парадокс ситуации заключался в том, что еще при Николае I проведение служб в католических костелах на русском языке было запрещено [\[4, с. 35\]](#). Правительство как раз опасалось распространения католической пропаганды и идей среди православного населения. Подобная непоследовательность в политике компенсировалась введением новых ограничительных мер и усилением контроля над церковью. Это в очередной раз демонстрирует инертный и прямолинейный подход в конфессиональной и национальной политике Александра II.

Очередной проблемой в национальной политике Российской Империи среди иноверцев была зависимость последних от зарубежных религиозных центров. Государство, прервав отношения с папским престолом и взяв управление делами иноверцев под свой контроль, пыталось навязать систему управления, чуждую для местного населения. Для последних разрыв с Римом воспринимался как узурпация власти и навязывание православия. Ведь для католиков данная религия преимущественно ассоциировалась с русским населением, напрямую берущим под свой контроль дела их церкви.

В условиях притеснений и полицейского контроля, польские католики объединялись для ведения общей деятельности. В частности, распространение получили специальные братства, с формированием которых также боролось правительство. Более того, центральная власть усматривала угрозу также и в крестных ходах католиков, видя в этом миссионерскую деятельность [\[9, с. 415\]](#). Таким образом, опасения правительства об иностранном влиянии на социальные беспорядки в стране, были более чем обоснованы. Наиболее сильно контроль правительства усиливался именно на фоне внешне или внутривнутриполитических столкновений.

Как и в случае с католиками, отношение к российским мусульманам осложнилось накануне войны с Турцией 1877-1878 годов. Императору докладывали, что на территориях с мусульманским населением активно действовали провокаторы, призывавшие народ к борьбе против царского правительства. Они утверждали, что их конечной целью было достижение независимости Кавказа и Крыма.

Немаловажной проблемой был и переход мусульман в православие исключительно с целью продвижения по социальным лифтам. Особенно сильно данная динамика проявилась среди мусульман-татар, продолжавших исповедовать старую религию, относясь к переходу формально [\[21, р. 244\]](#). Согласно сводкам МВД, многие муллы занимались агитацией и утверждали, что государство ввело послабления при переходе из одной веры в другую. Теперь, согласно их словам, не надо было обращаться в правительственные органы, что подрывало общественный порядок и вносило сумятицу в обществе.

Но стоит заметить, что и сама администрация относилась к вопросу смены веры весьма инертно, не уделяя этому достаточно внимания. Многие крещеные мусульмане не знали русского языка, и отношение к ним в обществе было пренебрежительное как со стороны мусульман, так и со стороны православных. Государство до поры до времени не могло разработать достойный инструментарий по контролю за данной практикой, чем и пользовались провокаторы. Привыкнув отвечать только на имеющиеся вызовы, не проводя упреждающих мер контроля, правительство всё так же действовало крайне инертно.

По этой же причине в отношении мусульман правительство пошло на те же

ограничительные меры, что и с католиками. Считая репрессивные меры по тотальному контролю достаточно эффективными в одной ситуации, они применялись во всех прочих случаях, вне зависимости от территориальных и культурных особенностей. Государство стремилось увеличить влияние православной церкви и русской культуры, мусульманские службы должны были проводиться на русском языке, а местное духовенство должно было проходить проверку на лояльность центральной власти. Декларировалось, что императора следовало называть "истинным" государем, внося в его образ и религиозный аспект [\[20, с. 187\]](#).

Проблема религиозного влияния извне также касалась и восточных губерний Российской Империи, в частности, буддистского населения. Как и в случае с Ватиканом и Османской Империей, правительство стремилось максимально ограничить контакты буддистов с Тибетом и Монголией. Процесс этот начался еще в последние годы правления Николая I, но был закономерно продолжен Александром II [\[6, с. 105\]](#). Как и в случае с католиками, правительство установило прямой контроль над делами буддистов из Петербурга, а прямое управление осуществляли местные генерал-губернаторы. При этом также было ограничено количество буддистских священнослужителей, как и в случае с прочими конфессиями, власть опасалась распространения и популяризации идей чужой религии.

Стоит заметить, что в некоторых случаях инертность правительства Российской Империи была не так ярко выражена. В подтверждение этому можно привести пример утверждения католической кафедры в Тирасполе. Еще при Николае I папа Римский настаивал на учреждении латинской кафедры в Саратове, с целью «заботы о местных христианах». На деле же правительство подозревало, что римский престол планирует распространить свое влияние в регионе, где католическая вера была практически не представлена. Согласно отчетам, поступающим императору, министры видели в появлении католических епархий в центральных территориях страны, исключительно попытку подрыва российских интересов и переходу населения в лоно католичества [\[14, с. 127\]](#).

Правительство Александра II приняло решение, которое должно было удовлетворить обе стороны: перенос резиденции епископа из Саратова в Тирасполь. Так бы значительно затруднилась миссионерская деятельность католиков в регионе и их предполагаемая подрывная деятельность. Таким образом правительство не ущемило права иноверцев, но при этом обеспечило социальное спокойствие. Из этого следует, что жесткий контроль за католиками, распространенный в западных губерниях, был обоснован в первую очередь национальной политикой и попыткой предотвратить будущие бунты. В то же время в других регионах отношение к католикам было несколько мягче.

Постепенно правительство пыталось выстроить над религиозными институтами иноверцев те же светские элементы контроля, что и в случае с православной церковью. Так, например, после Польского восстания 1863 года, многие католические монастыри оказывались закрыты. Связывалось данное решение с тем, что многие из них становились плацдармом для организаций беспорядков [\[4, с. 30\]](#). После ликвидации большинства из них, оставшиеся переводились на казенное содержание и под прямое управление из Петербурга.

Это еще сильнее закрепляло попытку правительства сделать из религиозных институтов иноверцев исключительно послушный инструмент управления. Однако в данном случае, возникало противоречие, связанное с самыми культурными основами империи. Наиболее ярко оно проявилось в западных регионах. Одновременно декларируя идею исконного

противостояния католиков и православных, государство не могло добиться покорности со стороны первых. И соответственно было бы невозможно достичь цели правительства — установление порядка в регионе и прекращение конфликтов. Не говоря уже о том, что это противоречило принципу веротерпимости.

Попытка приведения иноверцев к покорности и обеспечения мирного сосуществования с православным населением выражалась также и в духовном образовании. Например, католические начальные школы с 1863 года оказались устроены по русскому образцу и должны были подчиняться светскому управлению. При сохранении основной программы образования, в некоторых учебных заведениях было также введено православное песнопение. Обучение же должно было происходить на русском языке.

Считалось, что именно религия служит ключевым фактором при формировании личности. Соответственно для правительства было выгодно, чтобы в нестабильном регионе получило распространение именно православное образование. В итоге уже к концу правления Александра II католическое духовенство находилось в глубоком кризисе. Выпускников-богословов из академий крайне не хватало.

Были выпущены новые учебники по закону божьему на русском языке. Там открыто декларировалось, что последователи римско-католической веры были обязаны служить своему императору и молиться в первую очередь за него. Так декларировалась покорность центральному правительству через призму религиозного образования. Более того, обер-прокурор Святейшего Синода, Д.А. Толстой также выступал с инициативой о проведении дополнительных церковных служб для учащихся на русском языке [\[9, с. 283\]](#). Сделано это было как раз для закрепления русского элемента в западных губерниях.

Ситуация в регионах с мусульманским населением была несколько иной. Религиозная деятельность муфтиев строго регламентировалась. Однако зачастую принимаемые ограничительные меры были направлены исключительно на аттестацию и подготовку религиозных деятелей. Впрочем, оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский выступал за то, чтобы муллы также должны были сдавать экзамены на знание русского языка и вести метрические книги на русском.

В случае Кавказа, царское правительство желало представить себя протектором и защитником местного населения. Так администрация не пыталась вмешиваться в местную торговлю [\[1, с. 30\]](#). Она, хоть и была ограничена территориально, значительно оживляла экономическую жизнь края. Это, в свою очередь, способствовало росту доверия к центральной власти. О возможном сближении мусульманского и православного населения на подобных началах говорил еще ранее А. С. Грибоедов. Так можно признать, что национальная и религиозная политика на Кавказе при Александре II была более гибкой как раз при сохранении принципа веротерпимости.

Куда сложнее ситуация обстоит на территориях Центральной Азии с преимущественно кочевым населением, разделенным на кланы. Идея единой центральной власти была чужда данному региону, а ведь краеугольным камнем национальной идеи Российской Империи было самодержавие [\[16, с. 42\]](#). Дабы преодолеть данную проблему, требовалось низвести влияние духовных лидеров до минимума. В отчетах от 1867 года упоминалось о том, что управление регионом в полной мере осуществляется светской администрацией, в то время как муллы потеряли былой авторитет.

Установление жесткого контроля над другими конфессиями проходило на фоне дискуссий о положении православной церкви. К тому моменту она переживала глубокий

кризис, вызванный затяжным конфликтом между светской и духовной властью. На фоне ослабления православного богословия и превращения духовенства в инертное сословие, церковники чувствовали угрозу со стороны иноверцев. Последние не только отказывались принимать чуждую для них культуру, но и провоцировали общественные волнения.

Само общество было нестабильно в вопросах религиозной нетерпимости и вражды. Многие православные деятели указывали на неминуемость вражды православных с другими конфессиями. В основном, это касалось католиков, конфликты с которыми были особенно актуальны во время правления Александра II, с учетом польских волнений в западных губерниях. Священнослужители заявляли о сплоченности их соперников, в то время как православный мир раздроблен, чему способствовал и низкий уровень духовности [\[3, с. 421\]](#). Духовенство, переживая длительный кризис из-за влияния светского правления, не могло обходиться без его поддержки, но при этом стремилось к самостоятельности. И к сожалению, подобный парадокс не могли решить реформаторы, лишь косвенно связанные с делами духовенства.

Сама идея национальной политики Российской Империи через религиозную идентичность терпела из-за этого провал. Не имея той же консолидации, как западные католические братства или столь сильной привязанности к традициям как мусульмане, православная церковь как инструмент давления на общество теряла свою эффективность, что провоцировало новые волнения. С этим полностью государству справиться не удалось. Репрессии и усиление полицейского контроля над иноверцами приводили только к их большему сплочению, что впоследствии вылилось в долгосрочные негативные последствия.

Заключение

Попытка установить светский контроль над обрядами и деятельностью иноверцев рано или поздно должна была наткнуться на противоречие: религия была неотделима от бытовой жизни людей. Так, вводя русский язык в богослужение и ограничивая деятельность католических священников, нелояльных власти, правительство настраивало это же светское население против себя. С другой же стороны, сама православная церковь переживала длительную стагнацию как раз по причине вмешательства светских институтов во внутренние дела духовенства. Потому она не смогла стать тем самым фактором, что не только бы сдерживал недовольство среди иноверцев, но и стал бы привлекательным для всего населения империи.

Процесс постепенной секуляризации и стагнации религиозной мысли был свойственен не только России во второй половине XIX века, однако для нее религиозные институты имели куда большее значение. Российская Империя была многонациональным государством, и многим конфессиям здесь дозволялось свободно исполнять свои обряды. Однако, в случае, если провокаторы-иноверцы пытались использовать религию в качестве инструмента социальных волнений – следовали репрессии. Правительство Александра II, если и пыталось поначалу добиться мирного сосуществования путем компромиссов, впоследствии разочаровалось в данном подходе и попыталось подавить влияние иноверцев жесткими репрессивными мерами.

В целом, национальное управление Российской империи под призмой конфессиональной политики было в первую очередь ориентировано на прекращение каких-либо внешних контактов иноверцев с представителями своей конфессии, а также на установление строгого контроля над их обрядами. Фигура императора что для католиков, что для

мусульман должна была стать главенствующей, так правительство пыталось закрепить значимость фигуры правителя не только со светской, но с и религиозной точки зрения. Однако это противоречило основам данных религиозных систем, чем могли воспользоваться иностранные провокаторы. Тем самым, желая установить политическую стабильность в стране, государство только усугубило напряжение.

Библиография

1. Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М.: Академкн., Наука/Интерпериодика. 2001. – 366 с.
2. Беллюстин И.С. Описание сельского духовенства // Русский заграничный сборник. Берлин, Париж, Лондон. 1858. – 168 с.
3. Бердников И. С. Церковные братства в виду современных потребностей Православной Церкви и общества // «Православное обозрение». М.: В Университетской типографии, 1868. Т. 25. – С. 410-433.
4. Билунов Д.Б. Правительственная политика России. в отношении римско-католической церкви (60-е гг. XIX в.) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1996. № 4. – С. 19-43.
5. Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 1. 1861–1864 гг. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1961. – 425 с.
6. Ванчикова Ц.П. Буддийская конфессия в Российской империи во второй половине XIX в. Монголоведение. 2023; 15(1). – С. 95-114.
7. Верт П. Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия в Российской империи / Пер. с англ. Наталии Мишаковой, Михаила Долбилова, Елизаветы Зуевой и автора. М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 280 с.
8. Долбилов М.Д., Сталюнас Д. «Обратная уния»: Проект присоединения католиков к православной церкви в Российской империи (1865–1866 гг.) // Славяноведение. 2005. № 5. – С. 3-34.
9. Ганчар А.И. Римско-католическая церковь в Беларуси (вт. пол. XIX – начало XX вв). Гродно.: ГГАУ, 2010. – 512 с.
10. ГАРФ. Ф. 678 Оп. 1 Д. 663.
11. ГАРФ. Ф. 678 Оп. 1 Д. 664.
12. ГАРФ. Ф. 678 Оп. 1 Д. 1133.
13. Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. М.-Пятигорск: Наука, 1992. – 192 с.
14. Городецкий М. К истории римского католицизма в России (Тираспольская или Саратовская латинская епархия) // Исторический вестник. 1889. Т. 38. № 10. С. 122-134.
15. Иванцов-Платонов А. М. О Римском католицизме и его отношениях к Православию. Очерк истории, вероучения, богослужения, внутреннего устройства Римско-католической церкви и ее отношения к православному Востоку: в 2 ч. М.: Печатня С.П. Яковлева, 1870. – 412 с.
16. Киняпина Н.С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX веке. – Вопросы Истории. 1983. №4. – С. 35-47.
17. Кропотов Д.А. Жизнь графа М.Н. Муравьева, в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно. СПб: тип. В. Безобразова и К°, 1874. – 550 с.
18. Протестантизм: pro et contra. Антология / Сост., вступ. статья, коммент. М.Ю. Смирнова.-СПб : РХГА, 2012. – 846 с.
19. Римский С.В. Российская Церковь в эпоху великих реформ. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1999. – 567 с.
20. Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи российской империи в последней

четверти XVIII – начале XX в. (2-е изд., исп. и доп.). СПб: Издательство СПб университета, 2008. – 368 с.

21. Kivelson, Greene 2003 – Orthodox Russia: Belief and practice under the Tsars / Ed.by Kivelson V.A., Robert H. Greene.-University Park: Pennsylvania state univ. press, 2003. – XII, 291 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена изучению конфессионального аспекта в национальной политике Российской империи во времена правления Александра II. Основное внимание уделяется роли православной церкви в процессе русификации и интеграции различных этнических групп, а также взаимодействию государственной власти с другими религиозными группами, такими как католики, мусульмане и иудеи. Исследуются методы государственного контроля над религиозными учреждениями, включая реформы православной церкви и введение ограничений для иноверческих конфессий.

Автор использует цивилизационный подход, позволяющий рассматривать национальные и конфессиональные процессы в широком историко-культурном контексте. Кроме того, применяется системный подход, который помогает анализировать различные аспекты национальной и конфессиональной политики как единое целое. В статье использованы разнообразные исторические источники, такие как делопроизводственные документы, личные дневники, материалы публицистики, что придает исследованию многогранность. Актуальность темы обусловлена необходимостью комплексного анализа национальной и конфессиональной политики Российской империи в период значительных социальных и культурных изменений. Исследование помогает понять механизмы формирования национальной идентичности и роль религии в этих процессах, что имеет важное значение для современной исторической науки.

Работа представляет собой значительный вклад в изучение конфессионального аспекта национальной политики Александра II. Автор предлагает новый взгляд на взаимодействие государства с различными религиозными группами, выявляет ключевые противоречия и сложности, возникающие в ходе реализации политики русификации. Особое внимание уделяется взаимосвязи между религиозной и национальной идентичностью, что является важным дополнением к существующим исследованиям.

Статья имеет ясную и логичную структуру. Список использованных источников включает широкий спектр литературы. Однако стоит отметить, что библиография могла бы быть дополнена исследованиями, представляющими проблематику в широком контексте (например, в свете таких значимых фигур конфессиональной политики, как К.П.Победоносцев, см., например: Полунов А.Ю. К.П.Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010).

Автор избегает резких оценочных суждений и стремится объективно оценить существующие точки зрения. Однако в некоторых местах можно было бы более детально проанализировать критику предыдущих исследований, что добавило силы аргументации. Выводы статьи подводят итог проведенному исследованию, отмечая важность конфессионального аспекта в национальной политике Александра II. Несмотря на некоторую фрагментарность выводов, они дают общее представление о ключевых тенденциях и проблемах, связанных с интеграцией различных этнических и религиозных групп в состав Российской империи.

Статья, безусловно, привлечет внимание специалистов в области истории, этнографии и

религиоведения. Широкий круг затронутых вопросов и использование разнообразных источников делают её интересной и полезной для научного сообщества.

Учитывая научную значимость и оригинальность исследования, статью «Конфессиональный аспект в национальной политике Александра II» можно рекомендовать к публикации «Genesis: исторические исследования» с учетом высказанных замечаний.